

До начала набора учеников в секту Тяньянь оставалось уже немного времени. Раны Чу Синланя почти зажили, а культивация восстановилась до стадии Закладки фундамента.

Мин Сиюэ, как обычно, принёс ему лекарства. Увидев, что Чу Синланю трудно самому наносить мазь, он явно загорелся желанием помочь и сразу полез стягивать с него одежду.

— Среди бела дня срываешь с меня одежду — и ещё смеешь говорить, что не питаешь ко мне непристойных мыслей.

Чу Синлань шлёпнул его по руке и одним перекатом мгновенно оказался у внутренней стороны кровати.

— Не распускай руки. Я и сам справлюсь.

У него был повреждён дантянь, а не руки и ноги. Инвалидом он не стал.

На теле Чу Синланя было множество ран. Он считал их уродливыми и не хотел показывать слишком многим людям.

Мин Сиюэ возразил:

— Я просто помогу нанести лекарство. Мы оба мужчины, чего ты ломаешься? До спины сам дотянешься? Когда лежал без сознания в Долине Царя Лекарств, разве не я менял тебе повязки?

Чу Синлань больше не упрямылся и обнажил спину, пересечённую старыми и новыми шрамами. Картина была пугающей. Трудно представить, сколько бед пришлось пережить человеку, чтобы его тело стало таким.

— Синлань, откуда у тебя столько ран? — тёплые подушечки пальцев Мин Сиюэ прошлись по коже. Глядя на шрамы, он помрачнел. — Секта Линся настолько жестоко обращается с учениками? Даже лекарства на раны не давали?

— Ничего страшного.

В самом начале Чу Синлань был особенно бунтарским. Разве мог он покорно позволить системе собой управлять? Время от времени он устраивал какие-нибудь выходки, сопротивлялся и пытался вырваться из-под контроля.

Чтобы окончательно подчинить Чу Синланя, система специально загоняла его едва ли не насмерть. Несколько раз он чуть не погиб. Жизнь удалось сохранить, но после этого осталось немало шрамов.

Чу Синлань помнил, что вначале было очень, очень больно. В прежней жизни он боялся боли даже когда случайно резал палец, нарезая фрукты. А здесь пришлось убивать людей и получать одну смертельную рану за другой.

Позже он онемел. Даже тяжёлые повреждения уже почти ничего не значили. Только надежда вернуться домой оставалась духовной опорой и заставляла идти дальше.

В этом мире никому не было дела, жив он или мёртв. Он словно марионетка, которой кто-то управляет и заставляет играть ненавистную роль.

Но теперь он был свободен!

Мин Сиюэ спросил дальше:

— А что с твоим Золотым ядром?

Он уже не раз обходными вопросами пытался выяснить, кто вырвал ядро Чу Синланя, но ответа так и не получил.

Какой же должна быть ненависть, чтобы вырвать чужое Золотое ядро и полностью уничтожить культивацию? Слишком жестоко.

Врагов у Чу Синланя было много, поэтому догадаться, кто именно нанёс такой удар, действительно трудно.

— Не сам же я вдруг сошёл с ума и вырвал его. Кто-то вытащил и отдал другому.

Внезапно Чу Синлань вскрикнул и оттолкнул Мин Сиюэ, наносившего лекарство на рану.

— А! Ты куда трогаешь?! Талию нельзя!

Талия у Чу Синланя была невероятно чувствительной и боялась щекотки. Стоило руке Мин Сиюэ с лекарством прикоснуться к этому месту, как стало настолько щекотно, что Чу Синлань едва удерживал смех. Лицо покраснело, и он тут же перевернулся, собираясь сбежать.

— Не могу! Хватит, остановись!

Проклятая чувствительность. Стоило кому-то коснуться талии — и его пробивало на смех. Если так наносить мазь до конца, он себе пресс насмеётся.

Это не лечение. Это пытка.

— Не дёргайся. Потерпи немного — и всё закончится.

Мин Сиюэ прижал Чу Синлания, не позволяя сбежать, и продолжил насильно мазать лекарством.

Если нормально не вылечить раны, скрытых повреждений станет всё больше. В будущем они могут внезапно обостриться. Некоторые культиваторы во время небесной скорби неожиданно страдали от старой болезни или яда и тут же погибали, полностью теряя Путь.

— Мин Сиюэ, отпусти меня. Не надо больше.

Чу Синлань пожалел о своём решении. Он мог бы наложить лекарство на себя с помощью техники. Какого чёрта в голове помутилось и он позволил Мин Сиюэ делать это руками?

Сам себе придумал страдание там, где его не было.

— Я здесь. Куда собрался? — Мин Сиюэ одной рукой оттащил Чу Синлания обратно. — Пока не закончим, никуда не пойдёшь.

Два сильных культиватора у двери обладали чрезвычайно острым слухом. Услышав оттуда слова, которые звучали очень подозрительно, они в потрясении расширили глаза и ещё быстрее двинулись к комнате.

Это... это... это...

Разврат среди бела дня!

Двое внутри просто дурачились и понятия не имели, что глава Люй и Чжуан Хэ уже почти стометровкой неслись к двери, готовые ворваться внутрь.

Увидев яростно наступавшего Чжуан Хэ, Люй Чанцзэ всё равно не забывал защищать положительный образ Хэхуань.

— Даосский друг Чжуан, наша секта Хэхуань всегда была праведной школой. Для нас главное — взаимное согласие. Как вы можете без доказательств клеветать, будто мы похищаем мужчин? В нашей секте такого никогда не случалось.

В Хэхуань строго запрещалось принуждение. Обнаруженного нарушителя лишали техники культивации и изгоняли из школы. За столько лет почти никто не осмеливался нарушать этот запрет.

Те немногие, кто увлекался «принудительной любовью», уже покинули секту и перешли на другой путь культивации.

Чжуан Хэ внезапно пришёл и заявил, будто целомудренный Мин Сиюэ насильно завладел мужчиной. Люй Чанцзэ едва не рассмеялся ему в лицо.

Он-то?

— Правда это или нет — достаточно спросить самого человека.

— Разве ты не изгнал его из школы? Какое тебе дело, жив он или мёртв?

— Тебя это не касается.

Они вошли в гостевую комнату — и оба мгновенно замерли от увиденного.

Чжуан Хэ увидел, как Мин Сиюэ прижимает Чу Синланя к кровати и делает с ним всё, что пожелает. Верхняя половина тела Чу Синланя была обнажена, лицо слегка покраснелось, а в уголках глаз ещё висели слезинки.

Мин Сиюэ при этом возбуждённо выкрикивал крайне странные вещи.

— Хочешь ты или нет — всё равно придётся! Не сбежишь!

После этих слов лица Люй Чанцзэ и Чжуан Хэ одновременно почернели. Глядя на сцену явного притеснения, оба источали всё более тяжёлое давление.

— Взаимное согласие? — Чжуан Хэ холодно усмехнулся. — Вот, значит, как выглядит ваше «взаимное согласие» в секте Хэхуань.

Лицо Люй Чанцзэ становилось всё мрачнее.

— Юээр, что ты делаешь? Забыл запреты и правила секты?

Так вот кто тот самый «соперник»?

Насколько Люй Чанцзэ помнил, Мин Сиюэ обычно терпеть не мог близко подходить к незнакомцам. О настолько тесном контакте и речи не было.

Какой к чёрту соперник в любви.

Если у Мин Сиюэ к Чу Синланю совсем нет никаких иных мыслей, Люй Чанцзэ готов взять фамилию сына.

— Отец, не поймите неправильно. Мы просто игрались, ничего плохого за вашей спиной не делали, — увидев, как ворвались посторонние, Мин Сиюэ быстро поднялся и принял приличный вид. Заодно подтянул одеяло и прикрыл спину Чу Синлани. — Мы даже дверь закрыли!

Отец, зачем вы привели чужого и внезапно вломились?!

Хорошо ещё, что мы занимались абсолютно приличным делом.

Чу Синланю хотелось собственной рукой зажать Мин Сиюэ рот. Ради спасения их общей репутации он поспешно объяснил:

— Сиюэ просто помогал мне наносить лекарство.

Мин Сиюэ, зачем ты говоришь так по-гейски? Не надо создавать впечатление, будто мы среди бела дня закрылись в комнате ради чего-то странного.

Продолжишь нести чушь — про нас уже скоро додзинси рисовать начнут!

После нескольких объяснений недоразумение наконец удалось разрешить.

Люй Чанцзэ впервые увидел человека, которого Мин Сиюэ привёз домой. Перед ним стоял красивый и благородный культиватор, в выражении лица которого ощущалась лёгкая отстранённость. Манеры были чисты, словно аромат орхидеи. Рядом с Мин Сиюэ они выглядели будто идеально созданная Небом пара.

Чу Синлань заметил Чжуан Хэ. Лицо сразу стало раздражённым, и он просто закрыл глаза, не желая на него смотреть.

Этот человек увидел, что он ещё не умер, и теперь пришёл нанести последний удар?

— Синлань, почему ты в секте Хэхуань? — Чжуан Хэ заметил, что взгляд Мин Сиюэ всё время прикован к Чу Синланю, а сам Чу Синлань этого будто совершенно не понимает. От злости у него едва дым не пошёл из семи отверстий. — Я заберу тебя отсюда.

Чем дольше он смотрел, тем правдоподобнее казались слухи, будто Чу Синлани похитили культиваторы Хэхуань и сделали печью-треножником.

Молодой господин Хэхуань Мин Сиюэ, пользуясь своим высоким положением, действительно мог позволить себе такую дикость.

— Я не уйду. Я хочу остаться здесь, — без малейшего изменения лица заявил Чу Синлань. Он оделся под одеялом и только потом вылез наружу. — Золотое ядро из даньтяня вырвали, я почти умер, меня спасли. Нечем отплатить — остаётся отплатить собой.

Каждая фраза больно попадала прямо в сердце бывшего наставника, который собственноручно вырвал его Золотое ядро.

Чжуан Хэ:

— ...

Ему всё сильнее казалось, что Чу Синлань очень изменился, но он не мог понять, в чём именно. Будто на самом деле тот всегда должен был быть таким.

Нынешний Чу Синлань был гораздо живее прежнего. Когда говорил, брови и глаза сияли энергией, он стал ещё ярче и заметнее, и отвести взгляд было трудно.

Разве прежний Чу Синлань когда-нибудь выглядел так?

Чжуан Хэ и сам растерялся.

— Можно поговорить наедине?

<http://bllate.org/book/20989/2161504>